

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОНИМА В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ: ОНИМ – ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ИМЯ – ОБРАЗ-СИМВОЛ

Категориальные признаки текста, позволившие определять его статусный характер как высшей единицы языка, накладывают свой отпечаток на особенности функционирования различных единиц внутри него. Это влияние особенно ощутимо, если речь идет о художественном тексте. Своеобразие художественного текста посвящены многие исследования, в частности работы М. М. Бахтина, В. В. Виноградова, В. П. Григорьева, Т. И. Сильман, Н. В. Слухай, В. И. Кухаренко, Л. А. Исаевой, Л. А. Петровой и др. Многомерное пространство художественного текста создает условия для поливекторного, межуровневого, разнохарактерного взаимодействия языковых единиц, способных удовлетворять различные прагматические намерения автора. В качестве таких единиц могут выступать и имена собственные.

Именами собственными, вслед за О. И. Фояковой, называют «универсальную функционально-семантическую категорию имен существительных, особый тип словесных знаков, предназначенный для выделения и идентификации единичных объектов (одушевленных и неодушевленных), выражающих единичные понятия и общие представления об этих объектах в языке, речи и культуре народа» [14, 3].

Имена собственные не единожды становились объектом анализа представителей разных областей знания: философов, историков, географов, лингвистов, фольклористов и многих других. К числу исследователей, чей интерес был направлен на поиски сущности имени собственного, принадлежат Аристотель, Платон, Декарт, Джон Локк, А. Х. Гардинер, П. А. Флоренский, В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев, Н. И. Толстой, А. И. Белецкий, А. И. Попов, В. А. Никонов, Р. Павиленис, А. В. Суперанская, В. Д. Бондалетов и др. Благодаря усилиям многих ученых произошло становление ономастики как особого раздела лингвистики.

Во второй половине XX в. у многих лингвистов особый интерес возник к литературной антропонимике. Начиная с работ В. В. Виноградова, заявившего о перспективности и необходимости изучения «... имен, фамилий, прозвищ в художественной литературе, о структурном их своеобразии в разных жанрах и стилях, об их образных и характеристических функциях...» [1, 38], литературная антропонимика стала одним из направлений изучения языка и стиля художественной литературы. О необходимости учитывать специфику значения и функционирования имени в художественной литературе по сравнению с языком и нехудожественной речью, говорил Г. О. Винокур. По мнению ученого, имена в литературе нужно рассматривать как «особый модус ономастической действительности» [2, 245].

Особая эстетическая значимость имени и специфика его функционирования в художественных текстах анализировалась в работах В. В. Виноградова, Б. А. Ларина, Ю. Н. Тынянова, В. Н. Михайлова, В. А. Кухаренко, О. И. Фояковой, Ю. А. Карпенко, В. М. Калинин и др.

Сегодня не вызывает сомнения мысль о возможности существования у имени собственного определенных коннотаций. В то же время в некоторых исследованиях авторы избегают этого термина, отдавая предпочтение описательным конструкциям или терминам в кавычках. Например, в диссертационной работе А. В. Лахно говорится о фоновой информации имени, о его культурной «нагруженности» [5]. Мы, придерживаясь традиций украинской ономастической школы, вслед за Ю. И. Карпенко, Е. С. Отиным, О. Ю. Карпенко, считаем возможным говорить о коннотативных смыслах имени. Их появление объясняют рядом экстралингвистических причин. К тому же термин «коннотация» охватывает широкий круг семантических, эмоционально-оценочных, стилистических и других компонентов, дополняющих основное предметно-понятийное содержание языковой единицы и возникающих из взаимодействия исходных значений слов и предложений с фоновыми знаниями говорящих под влиянием контекста и ситуации.

Т. В. Матвеева выделяет в коннотации несколько типов компонентов: оценочный или эмоционально-оценочный (эмоционально-экспрессивный, эмотивный), параметрический (компонент интенсивности, указывает на предельную меру признака предмета), стилевой (указывает на традицию употребления слова в одной из сфер общения), культурный (соотносится со знанием образа жизни, традиций и обычаев, мировоззрения народа), образный (характерен для слов в переносном значении, является носителем определенного представления об обозначаемом), гонорифический компонент (связан с этикой взаимоотношений, указывает на иерархическую позицию говорящего по отношению к адресату речи или третьему лицу) [7, 155–157].

Для семантической структуры имени собственного коннотативный компонент является факкультативным. Он возможен лишь у тех из них, которые развили дополнительные оттенки значе-

ния, связанные, прежде всего, с известным для круга носителей языка референтом этого имени, т. е. коннотация возможна лишь у прецедентного имени. Е. С. Отин пишет: «В языке художественной литературы и публицистики, в народно-разговорной речи, территориальных диалектах и жаргонах встречается своеобразный прием вторичной («иносказательной») номинации посредством собственных имен (онимов) с метафорическими, или символическими, значениями. С их помощью «переносно» именуется то, что при нейтральном стиле выражения могло быть обозначено посредством нарицательных имен существительных (апеллятивов). При этом такие слова продолжают оставаться понимаемыми, не теряют своей способности соотноситься с другими собственными именами, воспринимаются в одном ряду с ними» [9, 5]. Прежде всего, автор имеет в виду имена типа *Иван* = «дурак». Возникновению метафорического смысла имени способствует наличие у него прецедентной информации, хорошо известной носителям конкретного национального языка. Имена, имеющие определенные национально-культурные коннотации, способны к различным семантическим интерпретациям в пределах художественного текста.

Многомерное пространство художественного текста независимо от его объема способно актуализировать у слова его семантические перспективы. Говоря о семантических перспективах, мы имеем в виду потенциальную способность лексемы развивать свою семантическую структуру, наполняясь коннотативными оттенками значения.

А. А. Потебня, отвечая на вопрос, что такое «значение» слова, предполагал: «Очевидно, языкознание, не уклоняясь от достижения своих целей, рассматривает значение слов только до известного предела... Без упомянутого ограничения языкознание заключало бы в себе, кроме своего неоспоримого содержания, о котором не судит никакая другая наука, еще содержание всех прочих наук» [10, 19]. Сегодня же языкознание значительно расширило сферу своих научных интересов. Используя, прежде всего, методологию гуманитарных дисциплин, лингвистика развила ряд новых направлений, характерной особенностью которых стало комплексное описание языковых данных. Именно к такому описанию мы хотим обратиться, избрав в качестве иллюстративного материала стихотворение известного современного поэта Б. Чичибабина «Тарас», и показать процесс актуализации коннотаций имени собственного, используя текст этого стихотворения.

Борис Алексеевич Чичибабин (Полушин; 9 января 1923, Кременчуг – 15 декабря 1994, Харьков) – поэт, лауреат Государственной премии СССР (1990). Характеристику поэтического творчества Б.А. Чичибабина можно определить, лишь уточнив, что автор принадлежал к поколению шестидесятников. Истоки поэтики автора критики видят в творчестве Н. А. Некрасова и А. А. Фета. Ю. Милославский, определяя значение личности и творчества поэта для русской культуры, говорит: «Чичибабина будут вспоминать все чаще и чаще, но уже не в качестве «борца с режимом» или «жертвы этого режима», или автора «демократических стихотворений». Это все отплывает за горизонт эпохи, перемальывается в субкультурную муку. При том, что он был плоть от плоти, кость от кости своего времени, ... его поэзия, ..., обращена к перегоревшему, испепеленному, полному тайного раскаяния в своем легкомысленном «пролете» сознанию русского человека наших сегодняшних дней» [8]. Мировосприятие автора отражает особенности времени, в которое он формировался как личность. Он разделяет общечеловеческие ценности, оставаясь представителем своей национальности. Хотя в этом вопросе автор оригинален, утверждая: *У меня такой уклон: Я на юге — россиянин, А под северным сияньем Сразу делаю хохлом* (Родной язык). Родным языком для поэта был русский. На нем написаны все его произведения, в частности и анализируемое стихотворение «Тарас» [15].

Данный поэтический текст, на наш взгляд, является попыткой использования автором семантических перспектив онима как одного из важнейших средств создания образов, выражающих его концепцию. Использование имени украинского национального поэта многозначительно для понимания индивидуально-авторского мировидения и осознания своего места и роли в той многонациональной среде, в которой вырос и жил поэт.

Имя *Тарас* для представителей украинского языкового сообщества является прецедентным именем, при употреблении которого «в коммуникации осуществляется апелляция не к собственно денотату (в другой терминологии – референту), а к набору дифференциальных признаков данного ПИ» [4, 172, 198].

Вынес его в заглавие стихотворения, Б. Чичибабин тем самым перспективно определяет возможные проблемы, которые найдут отражение в тексте стихотворения. Уже в первой строфе автор актуализирует наиболее значимое для него значение, связанное с гением украинского народа Т. Г. Шевченко. Устав от тяжести бремени поэта и «стихов безликих», которые звучат вокруг, автор избрал для себя жизнь и творчество поэта в качестве наивысшего мерила: *Я призванье наше меряю Тарасом, Справедливей меры в мире не нашел*. Уже здесь возникает ассоциат *Тарас мера*. Именно такой экспликацией ассоциата способствуют лексико-семантические и звуковые повторы: *меряю, меры, мире*. Чтобы не было сомнений, о каком именно Тарасе говорит автор, далее

он называет и фамилию: ... *Только самый кровный был один Шевченко – Мне огонь и посох, образ и пример.*

Не отграничивая себя от достижений мировой культуры, изучая и используя опыт классиков западной литературы («Из тюрьмы Лубянской, из тенет застенка Возносили дух мой Гете и Бодлер»), Б. Чичибабин подчеркивает значимость для себя именно Т. Шевченко. Именно он для писателя «самый кровный», т.е. близкий по крови, по национальному родству. Для убедительного доказательства близости двух авторов Б. Чичибабин использует в ряду ассоциатов с именем Шевченко субстантивы *огонь* и *посох*, обладающие символическим значением.

Обращаясь к лексеме *огонь*, вербализующей один из первоэлементов бытия, поэт актуализирует в тексте как один из универсальных его символических смыслов ‘середина, центр’, так и значение ‘чистый’ (очищенный огнем). Как отмечает В. В. Жайворонок, огонь дает свет и тепло, два главных источника жизни, что делает его объектом культа у всех народов, символом Божьей силы [3, 105]. Ассоциативные эксперименты, проведенные группой российских исследователей среди представителей славянских лингвокультур, выявили реакции, свидетельствующие о сохранении в когнитивной базе современных носителей русского, украинского, белорусского и болгарского языков именно таких значений, связанных с мифологическими представлениями древних славян [11, 176–178]. Называя Т. Г. Шевченко *огнем*, автор обращается именно к этим, глубинным, смыслам данной лексемы, актуализируя ее символическое значение. К тому же огонь, по наблюдениям М. М. Маковского, в отличие от воды, считался язычниками мужским началом [6, 240–243].

Контекстную актуализацию этого значения, на наш взгляд, поддерживает и лексема *посох*, которая, кроме символического значения ‘сверхъестественной силы, связанной с энергией дерева, фаллоса, змеи, руки (указующего перста)’ и ‘власти над земным миром’ [13], символизирует и мужское начало [12].

Первая пара контекстных ассоциатов *огонь* и *посох* инициирует, по нашему мнению, процессы символизации прецедентного имени Тарас Шевченко.

Следующая пара *образ* и *пример* эксплицирует механизмы реализации данных процессов, а именно возникновение у оного образно-переносного значения, обусловленного реальной жизнью Кобзаря, основные события которой далее описывает автор стихотворения. Реальные факты из жизни Шевченко наполняют символический компонент значения имени собственного и актуализируют его для читателя. В поле зрения Б. Чичибабина попали голодное «холопское» детство, тюрьма на Кос-Арале, вспоминает автор, «как в селянских хатах, в заповедных скрынях с Библией хранился дедовский «Кобзарь», как царские сотрапы «гения гоняли по тюремным дырам, по сухим пескам», как мужественно боролся с «панством окаянным». За эту стойкость и верность народ в разных уголках земли «кланяется земно батьку своему», а Б. Чичибабин призывает: «Поплывем, громада, морем Кременчугским до горы Чернечей, где лежит Тарас», – отдать дань памяти и уважения великому украинскому поэту.

Вынеся в сильную позицию начала стихотворения (заглавие и первые две строфы) имя собственное и ассоциаты-символы, автор тем самым заостряет внимание читателя и не отпускает до финальной строфы. Здесь Б. Чичибабин снова актуализирует символическое значение имени, используя образы, связанные с образом-символом огня – первоэлементом бытия, дающим свет и тепло: *Светом его сердца вся земля повита, Жаром его мысли мир весь озарен, Слышат все народы строфы «Заповита», Головы склоняя перед Кобзарем.* Оказавшись в своеобразной символической рамке внутри стихотворения, имя собственное, во-первых, наполняется индивидуально-авторским символическим смыслом, во-вторых, использованная автором мифопоэтическая символика убеждает нас в универсальности использованных автором интерпретаций, в-третьих, прецедентное имя в пределах поэтического контекста приобретает свойства образа-символа, значение которого является результатом действия использованных символических смыслов.

Таким образом, художественное мышление поэта, основываясь на мифологической символике некоторых лексем, актуализируемой в тексте, способствует возникновению у прецедентного имени среди дифференциальных таких признаков, которые обусловлены национально-культурными коннотациями.

Список используемых источников

1. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В. В. Виноградов. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – 256 с.
2. Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку / Г. О. Винокур. – М. : Учпедгиз, 1959. – 492 с.
3. Жайворонок В. В. Знаки української етнокультури: Словник-довідник / В. В. Жайворонок. – К. : Довіра, 2006. – 705 с.

4. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.
5. Лахно А. В. Имя собственное как объект сопоставительного исследования. Системообразующие свойства имени литературного персонажа в художественном тексте и его переводе: дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук: спец. : 10.02.04. «Германские языки», 10.02.20. «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» / А. В. Лахно. – Москва, 2006. – 219 с.
6. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов / М. М. Маковский. – М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996. – 416 с.
7. Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. – Ростов н/Д : Феникс, 2010. – 562 с.
8. Милославский Юрий. Русский религиозный «шестидесятник» (к 45-летию Харьковской литературной студии Бориса Алексеевича Чичибабина) / Юрий Милославский [Электронный ресурс] // Новая кожа. – № 2. – Режим доступа: http://nk.kojapress.com/critics/miloslavsky_chichibabin.html
9. Отин Е. С. Словарь коннотативных собственных имен / Е. С. Отин. – Донецк : ООО «Юго-Восток» Лтд, 2004. – 412 с.
10. Потехня А. А. Из записок по русской грамматике / А. А. Потехня. – М. : Учпедгиз, 1958. – 536 с.
11. Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова, Ю. Н. Караулов, Е. Ф. Тарасов. – М., 2004. – 800 с.
12. Словарь символов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/simvol/671>
13. Тресиддер Д. Словарь символов / Д. Тресиддер. – М., 1999. – 193 с.
14. Фоянкова О. И. Имя собственное в художественном тексте / О. И. Фоянкова. – Л. : ЛГУ, 1990. – 104 с.
15. Чичибабин Б. А. Тарас [Электронный ресурс] / Б.А. Чичибабин. – Режим доступа: <http://chichibabin.ru/stihi/22.htm>

Анотація. Стаття присвячена проблемі функціонування власного імені в поетичному тексті. Дослідження ґрунтується на розумінні художнього тексту як особливої комунікативної одиниці, в межах якої відбуваються семантичні зміни в структурі оніма. Автор описує вплив міфопоетичних символів на розвиток коннотації власного імені та його перетворення в образ-символ.

Ключові слова: власне ім'я, художній текст, коннотація, образ, символ.

Summary. The article deals with the problem of functioning proper name in the poetic text. This research is based on an understanding of literary text as a special communication unit. Within a literary text semantic changes are taking place in the structure of the proper name. The proper name is analyzed as a component of a literary text. It has an ability to acquire connotative shades of meaning. These connotations can arise only in the precedent name. Connotations are associated with cultural, historical facts, which are important for carriers of a specific national language. A complex method of analysis is using in the article to describe the occurrence of connotations in the proper name. Author of the article analyzed the poem "Taras" of famous Ukrainian poet Boris Chichibabin. He is a poet of the sixties. Poet uses mythopoetical symbols when he nominates the hero. The functioning of mythopoetical symbols "the fire" and "the staff" in the text are described in the article. The poetic context supports the symbolic meanings of of these lexemes. Boris Chichibabin reflects of his world view in the text. Taras Shevchenko is the central figure of individual author's picture of the world, the symbol of purity, of masculinity for poet. He describes a difficult childhood of Shevchenko, his work on the gentry, the struggle against the tsarist regime, the period in prison. Within the poetic context the precedent name acquires the properties of the image-symbol. Symbolic meanings of a proper name are the results of lexem-symbols using and effect of the literary text laws.

Key words: proper name, literary text, connotation, image, symbol.

Отримано: 14.01.2015 р.